

«ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ЧАСТИЦА» ЭКОНОМИКИ**Октай МАМЕДОВ,**

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

В статье обосновывается необходимость концентрации внимания экономистов-теоретиков на проблеме определения «элементарной частицы» экономики. Автор утверждает, что в естествознании элементарные частицы познаваемого сложноструктурированного объекта образуют особый класс объективно существующей (хотя и не всегда фиксируемой) реальности. Главной отличительной чертой элементарных частиц как объекта познания является невозможность их структурирования на составные части. И в этой невозможности – их непреходящая гносеологическая ценность. Другими словами, раздробить элементарную частицу, быть может, и можно, но этим действием мы уже переходим на иной («неэкономический») уровень бытия социальной материи, а значит, и на иной, неэкономический уровень познания, требующий иной трактовки и иного инструментария. Вот эта невозможность (если только мы хотим оставаться в рамках традиционной, т.е. – классической, трактовки предмета экономической науки) дальнейшего разложения и позволяет выявить элементарные (гносеологически неделимые) частицы экономических отношений, а значит, и экономического познания. В статье сформулирована постановка проблемы, показаны гносеологическая значимость обнаружения «элементарной частицы» для социальной науки, подход к элементарной частице экономики, последствия для развития экономической науки элементарной частицы экономики.

Ключевые слова: методология экономического анализа; гносеологическая значимость обнаружения «элементарной частицы» экономики; естествознание как разновидность естественно-научного знания и естествознания

AN «ELEMENTARY PARTICLE» OF THE ECONOMY

Oktay MAMEDOV,

Doct. Econ. (DSc), Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

The article deals with the necessity of focusing the attention of theoretical economists on the problem of determining the «elementary particle» of the economy. The author asserts that in natural science the elementary particles of complex structured research objects form a special class of objectively existing (albeit not always fixed) reality. The main distinguishing feature of elementary particles seen as the research objects is impossibility of decomposing them into constituent parts. This feature is an intrinsic epistemic for the natural science research. In other words, having an elementary particle broken up, the researcher shifts to a different – «non-economic» – level of being of social phenomena. This different – non-economic – cognitive level requires a different interpretation and methodologies.

This impossibility (if we follow traditional, or classic, interpretation of the subject of economics) of further decomposition allows the researcher identification of the elementary (epistemologically-indivisible) particles of economic relations, and hence economic knowledge. The problem statement is formulated in the article, showing the epistemological importance of detecting the «elementary particle» for the social science. The author's approach to an elementary particle of the economy is emphasized, the consequences of this approach for economics' development are outlined.

Keywords: methodology of economic analysis; epistemological significance of detecting the «elementary particle» of the economy; humanities as a kind of natural science knowledge and natural science

JEL classifications: A11, B14, B24, B51

TERRA ECONOMICUS ✧ 2018 Том 16 № 3

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Социальное знание формируется не только позже естественно-научного, но и на его основе. И не только потому, что социальное знание вообще представляет собой уникальный тип естественно-научного знания. Дело – в необычной, качественно отличной гносеологической природе социального знания, призванного обнаружить в субъективном объективное. Для «естественников» признание онтологичности объекта, выведенного из рационального упорядочения кажущейся хаотичности субъективных социальных процессов, до сих пор неприемлемо, что и позволяет им относиться к социальным наукам как к псевдонаучной метафизике (Hands, 2001).

Тем не менее следует наконец сказать прямо: на белом свете существует только естественно-научное знание: никаких других научных знаний не бывает! Поэтому даже неустранимые особенности социального знания, если оно претендует на статус «научного», все равно должны трактоваться как признаки особой разновидности естественно-научного знания (Николаева, 2000; Шулевский, 2010).

Научное знание – это знание всегда и только об объективно существующей реальности, об объективно существующем нечто (или – фрагменте этого «нечта», как говаривал Буратино), существующее вне сознания и не порожаемое им. Сколько сил положили Маркс и Энгельс, чтобы доказать объективную природу движения социальной материи, которое они гениально характеризовали как «естественно-историческое» (Любимцева, 2018)! Но все оказалось напрасным: современные представители экономикса, исследующие мотивацию основных «акторов» экономических процессов и выводящие суть этих процессов из обнаруженной мотивации (фактически – из сознания), впали в непростительный грех позитивизма (Caldwell, 1982), чем сами поставили себя вне экономики и экономической науки.

Императив «внесознательной» объективности не имеет исключений. Если допустить, что существует хоть один элемент объективной реальности, порождаемый сознанием, на этом объективность заканчивается, а на ее место усаживается субъективность (Лободин, 2018). А субъективность – это суждение, мнение, нарратив, это слова против слов, мнение против мнения, ля-ля-ля против ля-ля-ля и т.п.

Социальное (экономическое) знание, будучи разновидностью естественного, никогда поэтому не опережает его, а, как правило, неспешно двигается вослед ему (Галлямова, 2014). Оба вида научного знания оказываются в ситуации, известной как «связанные одной цепью», но роль лидера в этой «двойке» прочно закрепляется за естественно-научным знанием (Шкарупа, 2017). И так продолжается уже много веков. И хотя траектории развития естественного и социального знания часто сильно расходятся, обществоведы все равно умудряются постоянно подпитываться за счет формального присвоения естественно-научных подходов, а также заимствования на свой страх и риск разработанного – отнюдь не для социогуманитарных целей – естественно-научного инструментария (в первую очередь математики – в форме предварительно исковерканных, примитивных графических построений).

Вот это «инструментарное» отставание обществоведческого знания от естественно-научного уже давно вызывает у современных социогуманитариев чувство некой неполноценности, которое они стремятся компенсировать ускоренным (и потому некритичным) заимствованием «экстрактов» из самых различных отраслей естественных наук. Торопливая «прописка» этих заимствований в социальной науке порождает антинаучную эклектику в методологии социального познания. Такая эклектика позволяет генерировать «симбиозные» (на взгляд непосвященных – просто диковинные) отрасли социального знания в виде, например, «эконофизики», «экономической гено-типологии», «экономико-математического моделирования», не обогащая естественное, но зато максимально разрушая (и без того хилое) социальное, знание.

Между тем обществоведы, по нашему мнению, должны испытывать не чувство некой неполноценности в связи с отмеченным «инструментарным» отставанием, а чувство радости, потому что только вследствие этого отставания вторжение математики, физики, биологии, психологии, генетики в сферу обществензнания состоялось тогда, когда в нем уже произошло формирование фундаментальных основ социальной теории и социальной гносеологии (спасибо Марксу!), благодаря чему обществензнание еще окончательно не превратилось в приложение к математике, физике, биологии и генетике. И этим же обстоятельством объясняется тот факт, что в обществензнании намного позже возникают основополагающие вопросы, которые получили уже решение в естественных науках. И главный среди них – вопрос о том, что считать в границах экономической теории (как базовой отрасли социального знания) ее «элементарной частицей»?

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ОБНАРУЖЕНИЯ «ЭЛЕМЕНТАРНОЙ ЧАСТИЦЫ» ДЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ

В естествознании элементарные частицы познаваемого сложноструктурированного объекта образуют особый класс объективно существующей (хотя и не всегда фиксируемой) реальности.

Главной отличительной чертой элементарных частиц как объекта познания является невозможность их структурирования на составные части. И в этой невозможности – их непреходящая гносеологическая ценность. Например, в физике наблюдаются так называемые «нуклоны»; и, хотя они состоят из более мелких и фундаментальных частиц («кварков»), их тем не менее нельзя в рамках физического познавательного процесса разделить на эти кварки, не потеряв «физического» свойства, «физического» состояния нуклонов как материальных объектов. Другими словами, раздробить нуклоны на кварки можно, но этим действием мы уже переходим на иной («нефизический») уровень бытия материи, а значит, и на иной, нефизический уровень познания, требующий иной трактовки и иного инструментария.

Вот эта невозможность (если только мы хотим оставаться в рамках традиционной, т.е. классической, трактовки предмета физической науки) дальнейшего разложения нуклонов на кварки и позволяет относить их к элементарным (*гносеологически неделимым!*) частицам физической материи, а значит, и физического познания.

Надо заметить, что для понимания гносеологической сущности «элементарной частицы» гораздо удобнее приводить в качестве иллюстрации так называемые «бесструктурные» (при современном уровне знания), «точечноподобные», безмерно малые материальные объекты, которые также называют «фундаментальными частицами». В дальнейшем, по мере исследования этих точечноподобных частиц обнаруживается и их сложное строение, но невозможность их структурирования показывает достижение физикой своего рода предела физического познания, перейдя который, мы переходим уже на новый, «нефизический» (по сравнению с классикой) уровень познания.

Логика углубления социального познания актуализирует обнаружение «элементарной частицы» социального знания, отражающей реальное строение «социальной материи». Да она уже и сегодня крайне актуальна как внутринаучная проблема обществознания, выступая главным внутринаучным критерием сохранения данной социальной наукой границ своей предметности.

Актуальность нахождения «элементарной частицы» социального знания спровоцирована и внешними по отношению к научному знанию обстоятельствами, которые обычно в современном обществе уже не наблюдаются (по крайней мере, в естественных областях, как это было, например, в эпоху Средневековья); мы имеем в виду повышенное внимание к теории и выводам социальной науки. Это повышенное внимание, усложняя свободное развитие социальной науки как результата свободного движения социальной научной мысли, вынуждает подменять научное содержание социальных знаний идеологическим, умертвляя тем самым социальную науку.

Идеологическая составляющая практически всех отраслей социального научного знания также выступает препятствием обнаружения «элементарной частицы» социальной материи (Nelson, 2004). Почему? Да потому, что элементарная частица – это всегда предел предметного состояния изучаемого социального процесса, покидая который социальная наука уходит в бесконечные дали беспредметных схоластических и эмпириомонических экзерциций. И, как в человеческих отношениях нельзя подняться выше любви и невозможно опуститься ниже ненависти, точно так же и в социальной науке нельзя подняться «выше» ее предметности, но нельзя опуститься и «ниже» без риска утраты предмета данной науки. Этим и формируется объективный «предметный коридор» существования определенного социального знания.

Только благодаря постоянному пребыванию социального знания в предметном состоянии, это знание сохраняет свою предметность. А для зыбкой в своих границах социальной науки ясное представление о своей предметообразующей «элементарной частице» выступает главным внутринаучным критерием предметной истинности познания.

Конечно, и для элементарной частицы социального знания сохраняется возможность ее дальнейшего структурирования, но в том-то и состоит гносеологическая значимость знания элементарной частицы, что теоретические характеристики всех составляющих это знание элементов могут быть выведены и поняты только в пределах «предметного поля» данной элементарной частицы.

КАК ПОДОБРАТЬСЯ К ЭЛЕМЕНТАРНОЙ ЧАСТИЦЕ ЭКОНОМИКИ?

Предметное состояние любой социальной науки определяется уровнем разработки ее методологических основ. И главное место в области методологии занимают такие проблемы, которые способствуют развитию именно экономической теории. Надо признать, что положение последней сегодня весьма плачевно. Изгоняемая из студенческих аудиторий, из диссертаций и монографий экономическая теория стала жертвой экономистов «коммерческого призыва», не понимающих, что слабость экономической теории всегда обрекает на слабость и хозяйственную практику (Живица & Бурилина, 2012). Но это – видимое следствие, гораздо важнее оказывается невидимое – методологическая малограмотность и неприязнь к методологии экономического анализа (Lawson, 1992; 1994). А ведь способность к методологической аналитике – особый исследовательский талант обществоведа (Деленян, 2015).

Поскольку экономическая наука имеет только единственную форму бытия – в виде экономической теории, то знание принципов характеристики элементарной клеточки экономики позволяет сформировать принципиальную модель экономических категорий.

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ЧАСТИЦА - «АРИАДНИНА НИТЬ» ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Экономическая наука занимает в системе социальных наук положение, аналогичное месту физики в системе естественных наук – основы естествознания. И этим экономическая наука обязана не тщеславным претензиям экономистов, а предмету своей науки – общественной форме производства, которое развивается в границах законов природы.

Недоразумения порождаются отождествлением «производства» с «экономикой», – болезнью, поражающей умы каждого нового поколения экономистов по мере того, как политико-экономическая наука – самая «естественная» наука из всех социальных – выпихивается примерно на те же позиции, которые в сознании современных химиков занимает «алхимия» (Hendry, 1980).

Такое «местоположение» политической экономии, разумеется, ошибочно, так как актуальность каждой науки зависит не от шустрости ее представителей, а от потребности в ней общества: экономическая наука действительно движется под воздействием социальных императивов, которые в конечном счете отражают технологические закономерности общественного производства.

Расставание с политико-экономической наукой отражает лишь расставание с соответствующим мировоззрением, соответствующей методологией экономического познания, соответствующей проблематикой, но не с общественно-производственными отношениями, которые имеют онтологическую, а не гносеологическую природу и которым внимание со стороны экономистов так же безразлично, как безразлично Луне внимание со стороны астрономов. Это значит, что признание или отрицание общественно-производственных отношений экономической наукой не имеет для бытия

этих отношений никакого значения (Moran, 2018), точно так же, как птолемеево объяснение движения Солнца никак не повлияло на реальность коперникова механизма такого движения. Более того, как только диалектика социального развития возродит «устаревшие» политико-экономические проблемы, так сразу вновь окажутся востребованными и «старинная» политико-экономическая методология, и «старинное» политико-экономическое мировоззрение (Voettke, 1997). И тогда мы увидим удивительную картину: как нынешние адепты «экономикса» будут толпиться, чтобы вновь получить «удостоверение» политэконома.

Известно, что первоначально определение «метафизика» использовалось как обозначение сборника из тех 14 книг Аристотеля, которые остались после него в необработанном виде и которые в издании философских работ, подготовленном Андроником Родосским, были расположены после (μετά τά) «Физики» Аристотеля (φυσικά), отчего и получили название «мета-физика» («после-физики»). Таким образом, в прямом смысле название «метафизика» указывает, что в ней изучается то, что лежит за пределами физических явлений, что не может быть доказано эмпирически, что недоступно чувственному опыту.

Все это удивительно приложимо и к системе социальных наук: если экономика занимает здесь место «физики», то остальные науки, располагающиеся «после» экономики, должны по аналогии с «метафизикой» называться «мета-экономикой».

Действительно, только экономическая наука может оперировать эмпирическими данными, опираться на эконометрические расчеты и индикаторы, отражающие объективную реальность – динамику общественного производства. Все остальные социальные науки, опирающиеся на субъективную реальность (на рефлексии посредством общественного и индивидуального сознания) (Кочубей, 2006), вынуждены погружаться в нефиксируемую и потому недоказуемую интеллигибельность, всегда представляющую «единичное» и «уникальное».

Впрочем, и у естественных, и у социальных наук есть еще нечто общее – одинаково изнуряющее всех восхождение к предмету своей науки, который постоянно обнаруживает новые грани по мере проводимых исследований. В числе таких граней находится удивительная проблема – непрерывный поиск «элементарной частицы» предметной субстанции данной науки (Некрасов, 2017). Отыскание такой элементарной частицы важно по трем причинам:

- только знание элементарной частицы предмета науки структурирует и ее предмет, и ее объект;
- только знание элементарной частицы показывает потенциальную глубину исследования, обеспечиваемую данным состоянием знания этой элементарной частицы;
- только знание элементарной частицы позволяет исследователю оставаться в границах предмета данной науки, поскольку элементарная частица – предельный уровень предметности данной науки, перейдя который, мы оказываемся за рамками данной науки; другими словами, это предельно достижимый уровень сохранения сущностного свойства данного типа социальной материи, дальнейшее погружение в которую означало бы переход в качественно иное состояние изучаемой социальной материи.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ

Тяжелый путь познания элементарной частицы своего объекта проделали физики, а вслед за ними в тот же путь вынуждены были отправиться и представители всех других естественных наук.

Каждый шаг физиков в познании характеристик элементарной единицы физической материи сопровождался углублением понимания объекта (а значит, и предмета) физики как науки. Так, до начала XX в. фундаментальными частицами считались атомы; далее фундаментальными частицами стали считать атомное ядро и электрон; потом было открыто, что атомное ядро тоже структурировано и состоит из протонов и нейтронов и фундаментальными (неделимыми) являются они, а не ядро; наконец, было открыто, что протоны и нейтроны состоят из кварков (см.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>).

Но, согласитесь, что наука, горизонт и глубина объекта (предмета) которой ограничены атомами, принципиально отличается от науки, горизонт и глубина объекта (предмета) которой ограничены уже электронами, а если горизонт опускается на уровень кварков, то это – принципиально иное понимание объекта (предмета) данной науки по сравнению с «атомарным» уровнем предметности.

Таким образом, «элементарная частица» – это собирательный термин на уровне «микропредметности» и относящийся к микрообъектам, которые невозможно расщепить на составные части. Отмеченная невозможность расщепления элементарной частицы на составные части – ее самая важная в категориальном отношении характеристика, поскольку осуществление подобного «расщепления» (структурирования) означало бы потерю зафиксированного состояния предмета данной науки, и переход к другому состоянию: «физика атома» – это другая наука, чем «физика электрона», а «физика кварков» принципиально отличается от «физики электрона». Об исключительной важности фиксации данного состояния предметности этой науки свидетельствует тот факт, что в начале XX в. физики при открытии электрона впали в гносеологический транс, издавая крики о «конце физики», за который они принимали переход от привычного для них «атомарного» состояния физики к «электронному». И только полузабытый сегодня В. И. Ленин «успокоил» физиков, предсказав им множество аналогичных трансформаций предмета физической науки гениальным заявлением: «Электрон так же неисчерпаем, как и атом»; очень точно подметила Л. Крушельницкая: «Физические открытия начала XX века породили во многих ученых впечатление, что привычный материальный мир исчез, а вместо него осталось нечто зыбкое и эфемерное, существующее только в воображении человека. На что Ленин справедливо заметил, что “исчез не мир, а предел наших знаний о нем”».

Следует иметь в виду, что некоторые элементарные частицы (электрон, нейтрино, кварки и т.д.) на данный момент считаются бесструктурными и рассматриваются как первичные фундаментальные частицы. Другие элементарные частицы (так называемые составные частицы, в том числе частицы, составляющие ядро атома, – протоны и нейтроны) имеют сложную внутреннюю структуру, но тем не менее по современным представлениям разделить их на части невозможно по причине эффекта конфайнмента¹. В результате на свет явилась «физика элементарных частиц».

Первоначально термин «элементарная частица» подразумевал нечто абсолютно элементарное, «первокирпичик» материи. Однако, когда в 1950–1960-х гг. были открыты сотни адронов с похожими свойствами, стало ясно, что, по крайней мере, адроны обладают внутренними степенями свободы, т.е. не являются в строгом смысле слова элементарными. Это подозрение в дальнейшем подтвердилось, когда выяснилось, что адроны состоят из кварков. Всего вместе с античастицами открыто более 350 элементарных частиц. Из них стабильны фотон, электронное и мюонное нейтрино, электрон, протон и их античастицы. Остальные элементарные частицы самопроизвольно распадаются за время приблизительно от 1000 секунд (для свободного нейтрона) до ничтож-

¹ Конфайнмент (от англ. confinement – удержание <цвета>) – явление в физике элементарных частиц, состоящее в невозможности получения кварков в свободном состоянии, поскольку в экспериментах наблюдаются только агрегаты кварков, состоящие из двух (мезоны), трех (барионы), четырех (тетракварки) и пяти (пентакварки) кварков (см.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>).

но малой доли секунды (от 10–24 до 10–22 для резонансов). Строение и поведение элементарных частиц изучается физикой элементарных частиц. Таким образом, физики продвинулись еще вглубь строения вещества: самыми элементарными, точечными частями вещества сейчас считаются лептоны и кварки. Для них (вместе с калибровочными бозонами) применяется термин «фундаментальные частицы».

Итак, в границах физики фундаментальная частица характеризуется бесструктурностью, ибо переход к таящейся в ней структуре означает расставание с прежним состоянием предмета (а значит, и с прежней методологией, методикой, инструментариумом и мировоззрением) и движение к новому состоянию предмета (а значит, и к новой методологии, методике, инструментарию и мировоззрению (Weintraub, 1990; 1991)). Этот переход невозможен без осознания трансформации «элементарной частицы» предмета данной науки: «Материя исчезает» – это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т.п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи. Ибо единственное «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания» (Ленин, 1958, с. 275).

Аналогичные поиски элементарных частиц проделали геометры (найдя «точку», «линию» и «окружность»), химики (найдя «элементы вещества»), биологи (найдя «клетку»). В экономической науке подобную работу выполнил, разумеется, Карл Маркс, открывший «товар» как элементарную экономическую форму («клеточку») всего строя товарного производства и впахнувший его своим недрогнувшим пером в экономическую систему «классического капитализма», где уникальность товара «рабочая сила» позволила объяснить все тайны капиталистического способа производства.

Но товар – это «элементарная частица» только товарного, а точнее, «товарно-капиталистического производства». А что же является общеэкономической «элементарной частицей» (Хессин, 2017)? Не пора ли и экономистам приступить к обсуждению этого фундаментального вопроса (Auges, 1918)?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Галлямова, Р. З. (2014). Экономическое сознание как феномен современного общества // *Антропология*, 1, 29–39.

Деленян, А. А. (2015). Склонность к методологии // *Вестник Московского университета*. Серия 6: Экономика, 2, 66–88.

Живица, В. И., Бурилина М. А. (2012). Государственное предприятие как новая элементарная экономическая клетка общества и проблема конкуренции // *Региональные проблемы преобразования экономики*, 4, 210–227.

Кочубей, Е. И. (2006). Современные экономические процессы: содержание и особенности познания: Дисс. канд. филос. н., Иркутск.

Ленин, В. И. (1958). Материализм и эмпириокритицизм, Т. 18 / В кн.: Ленин, В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т.

Лободин, П. В. (2018). Почему К. Маркс начал исследование «Капитала» с анализа категории «товар»? (с. 47–50) / В сб.: Научные исследования высшей школы по приоритетным направлениям науки и техники. Сб. статей Международной научно-практической конференции.

Любимцева, С. В. (2018). Марксизм и диалектико-материалистический метод исследования экономических систем (с. 107–120) / В сб.: А. В. Жукоцкая, Б. Н. Бессонов, С. В. Чёрненькая (ред.) Марксизм в современном интеллектуальном пространстве. М.

Некрасов, С. Н. (2017). Политэкономика знака против экономики текста в культуре постсовременности (с. 202–207) / В Сборнике статей XI Международной научно-практической конференции European Research.

Николаева, Е. М. (2000). Синергетическая парадигма (от естествознания к обществознанию: философский анализ): Дисс. ... канд. филос. наук. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Хессин, Н. В. (2017). Понятие «экономическая клеточка» и его методологическое значение для политической экономии социализма // *Вопросы политической экономии*, 3, 115–131.

Шкарупа, В. М. (2017). Об одной мнимой контроверзе в философии науки: естествознание versus социально-гуманитарное знание (с. 1152–1153) / В сб.: Омские научные чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции.

Шулевский, Н. Б. (2010). Исторические типы взаимодействия естествознания и обществознания // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 6(6), 56–78.

Ayres, C. E. (1918). The Function and Problems of Economic Theory // *Journal of Political Economy*, 26(1), 69–90 (<https://www.jstor.org/stable/1820787>).

Boettke, P. (1997). Where Did Economics Go Wrong? Modern economics as a flight from Reality // *Critical Review*, 11(1), 11–64.

Caldwell, B. (1982). *Beyond Positivism: Economic Methodology in the Twentieth Century*. London: Unwin, Hyman.

Hands, D. (2001). *Reflection without Rules: Economic Methodology and Contemporary Science Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hendry, D. (1980). Econometrics – Alchemy or Science? // *New Series*, 47(188), 387–406.

Lawson, T. (1992). Methodology: non-optional and consequential (letter to the editor) // *Royal Economic Society Newsletter*, 79, October.

Lawson, T. (1994). Why are so many economists so opposed to methodology? // *Journal of Economic Methodology*, 1(1), 105–134.

Moran, C. (2018). Why the problem is economics, not economists // *Open Democracy*, April, 19 (<https://www.opendemocracy.net/neweconomics/>).

Nelson, R. (2004). What is «Economic Theology»? // *The Princeton Seminary. Bulletin*, 25(1), 58–79.

Weintraub, E. R. (1990). Methodology doesn't matter, but history of thought might (pp. 263–279) / In S. Honkapohja (ed.) *The State of Macroeconomics*. Oxford: Blackwell.

Weintraub, E. R. (1991). *Stabilizing Dynamics: Constructing Economic Knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press.

REFERENCES

Ayres, C. E. (1918). The Function and Problems of Economic Theory. *Journal of Political Economy*, 26(1), 69–90 (<https://www.jstor.org/stable/1820787>).

Boettke, P. (1997). Where Did Economics Go Wrong? Modern economics as a flight from Reality. *Critical Review*, 11(1), 11–64.

Caldwell, B. (1982). *Beyond Positivism: Economic Methodology in the Twentieth Century*. London: Unwin, Hyman.

Delenyan, A. A. (2015). Propensity to methodology. *Bulletin of Moscow University. Series 6: Economics*, 2, 66–88. (In Russian.)

Gallyamova, R. Z. (2014). Economic consciousness as a phenomenon of modern society. *Antro*, 1, 29–39. (In Russian.)

Hands, D. (2001). *Reflection without Rules: Economic Methodology and Contemporary Science Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Hendry, D. (1980). *Econometrics – Alchemy or Science? New Series*, 47(188), 387–406.
- Hessin, N. V. (2017). The concept of an «economic cell» and its methodological significance for the political economy of socialism. *Issues of Political Economy*, 3, 115–131. (In Russian.)
- Kochubei, E. I. (2006). *Modern economic processes: content and features of cognition: Dissertation submitter in fulfillment for the requirements for Cand. Sci. (Philosophy) degree. Irkutsk. (In Russian.)*
- Lawson, T. (1992). Methodology: non-optional and consequential (letter to the editor). *Royal Economic Society Newsletter*, 79, October.
- Lawson, T. (1994). Why are so many economists so opposed to methodology? *Journal of Economic Methodology*, 1(1), 105–134.
- Lenin, V. I. (1958). Materialism and empirio-criticism (Vol. 18) / In V. I. Lenin. *The Complete Works: In 55 vols. (In Russian.)*
- Lobodin, P. V. (2018). Why K. Marx started the study of «Capital» from the analysis of the category of a «good»? (pp. 47–50) / In *Scientific studies of higher education in priority areas of science and technology. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. (In Russian.)*
- Luybimtseva, S. V. (2018). Marxism and the dialectical-materialistic method of studying economic systems (pp. 107–120) / In A. V. Zhukotskaya, B. N. Bessonov and S. V. Chernenykaya (eds.) *Marxism in the Modern Intellectual Space. Moscow. (In Russian.)*
- Moran, C. (2018). Why the problem is economics, not economists *Open Democracy, April, 19* (<https://www.opendemocracy.net/neweconomics/>).
- Nekrasov, S. N. (2017). The political economy of the sign against the economy of the text in the culture of postmodernity (pp. 202–207) / In *Collection of articles of the XI International Scientific and Practical Conference European Research. (In Russian.)*
- Nelson, R. (2004). What is «Economic Theology»? *The Princeton Seminary. Bulletin*, 25(1), 58–79.
- Nikolaeva, E. M. (2000). *Synergetic paradigm (from natural science to social science, philosophical analysis): Dissertation submitter in fulfillment for the requirements for Cand. Sci. (Philosophy) degree. Kazan: Kazan Federal University. (In Russian.)*
- Shkarupa, V. M. (2017). On one imaginary controversy in the philosophy of science: natural science versus socio-humanitarian knowledge (pp. 1152–1153) / In *Omsk scientific readings. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. (In Russian.)*
- Shulevskiy, N. B. (2010). Historical types of interaction between natural science and social science. *Science and education: production and economy; entrepreneurship; law and administration*, 6(6), 56–78. (In Russian.)
- Weintraub, E. R. (1990). Methodology doesn't matter, but history of thought might (pp. 263–279) / In S. Honkapohja (ed.) *The State of Macroeconomics. Oxford: Blackwell.*
- Weintraub, E. R. (1991). *Stabilizing Dynamics: Constructing Economic Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press.*
- Zhivitsa, V. I. and Burlina, M. A. (2012). State enterprise as a new elementary economic cell of society and the problem of competition. *Regional problems of economic transformation*, 4, 210–227. (In Russian.)